В русской поэзии последних десятилетий с годами откристаллизовалось несколько чрезвычайно важных примет, которые в той или иной степени свойственны, наверное, каждому поэту сегодняшнего дня.

Интеллектуализм, изнутри поедающий ткань стиха и практически отрицающий живую связь двух миров — реальности и человеческой души,— не в их числе. Рано или поздно он уйдёт из круга чтения и станет своего рода литературным дневником, интересным лишь немногим.

В противоположность ему, в поэзии обретёт чувство меры и ощущение постоянной новизны предметный мир: с одной стороны — ярко живописный, а с другой — показанный в тончайших нюансах изменяющейся природы.

Кроме того, с течением лет всё отчётливей становятся два, по существу, кардинальных взгляда на происходящее вокруг нас или бывшее когда-то прежде. С одним из них связано имя Николая Рубцова, со вторым — во многом загадочная фигура Юрия Кузнецова. Магнетизм этих поэтических вселенных огромен, а их влияние, очевидно, будет усиливаться. И в конечном счёте, став определяющим отпечатком русского стиха, вернёт ему массового читателя, преодолев пагубную изоляцию отечественной музы от подрастающих поколений и быстро меняющейся действительности.

В этих обстоятельствах важно внимательно осмотреть литературный ландшафт, поскольку уже сейчас происходит неуклонный процесс «врастания» в поэтический обычай «образа мира по Рубцову» и «образа мира по Кузнецову». И наш взгляд непременно остановится на имени Владимира Скифа, парадоксально соединившего в своём творчестве эти две позиции.

Пройдя большой литературный путь от вполне типичной городской лирики до тончайших описаний сибирской природы, от альбомных стихотворений до проникновенных и в чём-то даже неземных любовных строк, Скиф интуитивно нашёл собственную художественную территорию, на которой надмирное соприкасается с реальным. Они постоянно сосуществуют без взаимного отрицания, без надменного визионерства автора. Как в древности — предмет отходит на второй план, и появляется неведомое; затем вещь восстанавливает своё житейское значение, и человек продолжает привычную жизнь, полную забот и усилий.

Ничего подобного такому мировоззренческому распределению здешнего и запредельного не найти ни у Рубцова, ни у Кузнецова. Образно говоря, предшественники дали живописцу технику и форму кисти, а дальше художник творит сам, погружённый уже в другой мир, прислушиваясь уже к собственной душе.

Если Рубцов интуитивно предчувствовал тайну земного и небесного, а Кузнецов намечал её границы, то Владимир Скиф эту тайну «высветляет» и одомашнивает, вписывая человека в некий общий миропорядок как звено совсем не ничтожное по сравнению с грандиозным космосом, но отдельное и в чём-то ключевое. Именно поэтому столь часто появляется в стихотворениях Скифа Ангел (Белый Ангел) — печальный или отрешённый, осыпающий на мир снежную крошку. Всякий раз с ним связана грусть Неба о русской земле и слеза о русском человеке. Однако тут не только жалость к страдальцу, а сокрушение о том, что, униженный и оскорблённый, он не понимает Божьего высокого задания, и в результате чёрные беды изнуряют его душу и тело: «Мы пронизаны русской незримою нитью — // И народный герой, и упрямый изгой...»

Одновременно у Скифа можно найти строки, в которых загадки бытия совсем просты и, кажется, неизъяснимы:

Смотрю — звезда шагает по воде,
В просторах — степь
сама себя теряет.
Спрошу Россию: Родина, ты где?
В ответ лягушка
в тёмный пруд ныряет.

Рядом с серьёзной думой появляется стихотворение лёгкое, даже бытовое или очевидно житейское. Оно родилось только оттого, что язык поэта чувствует волшебную свободу

родной речи. Но в совокупном портрете автора это даёт ощущение художника, для которого не существует дистанции по отношению к читателю. Хотя в некий момент в таком «доверительном» поэте будто просыпается острое зрение — и он видит мир за горизонтом, а его отвлечённый ум мгновенно связывает небо и землю в единое пространство, где идёт противоборство Добра и зла, Света и тьмы, горькой слезы — и злого смеха...

Мчал скакун по тернистой дороге,
Звёзды неба из скал высекал.
Синей тьмой покрывались отроги,
И в долину закат протекал.

Мчал скакун, сумасшедший, как ветер,
В его взоре клубилась тоска,
Звал скакун из далёких столетий,
Из небесных полей — седока.

Но молчали селенья в долине,
В небесах леденела луна...
И сошлись на последней вершине
Свет заката и путь скакуна.

Здесь не найти обыденной предметности и ясного понимания коллизий. Эти строки — замечательный пример точно не выговариваемой тревоги, потому что не всё человек знает про себя, про судьбы земли. И стихи определённо сближаются с музыкой, где принципиально нет узнаваемых реалий, но присутствуют тени и отражения действительности.

Тем не менее у Скифа реальность привлекательнее, чем явления тонкого мира, которые вдруг возникают рядом с людьми и, как правило, что-то исправляют в нашем бытовании. Теплота земного для него — будто колыбель для ребёнка, без которой никакое жизнеустройство невозможно.

Он любит «здоровье» русского уклада, радующее глаз богатство природы. Ему нравятся открытые лица, грубоватая шутка, телесная женская красота.

В русской поэзии сюжет рыночного изобилия почти традиционен. Скиф с нескрываемым удовольствием описывает прилавки с сочным дарами земли и рядом — лица и характеры селян. Кажется, что в этом поэтическом рассказе наиболее важными для него являются люди — приветливые, остроумные, участливые и неунывающие: «А дед хомутовский расскажет дотошно, // Как лук и чеснок убивают недуг»; «Сидят

и стоят у коробок старушки, // А в банках и гриб, и огурчик тугой»; «Старушки, старушки, пестры, как кукушки, // На рынке у крынок стоят с молоком»; «Такого не знает, наверно, Европа, // Поскольку не видит таких стариков».

Точно так же в «Русской бане» нагота парящихся молодых женщин наивно привлекательна и совершенно лишена той пошлости, к которой телевидение стремится приучить страну и во многом уже приобщило большие города. Поэтому очень понятен знак в заключительных строках стихотворения об осеннем возвращении в городскую квартиру: «Нет печальней мига. // В окне белеет, как свеча, // Забытая на даче книга // Про смерть Ивана Ильича».

Вообще, у Скифа образ города обычно холоден и жесток. Там почти нет естественного притяжения людей, которое ещё поддерживается в деревнях, где каждый знает наперечёт ближайших и дальних соседей.

На городской свалке в картонных коробках ютятся отверженные: «Бомжиха бездомная — бывшая Варька-уборщица, // Упавшая в злую воронку российской беды» и её товарищи по несчастью. Она поёт им «про дуб и рябину-зазнобушку, // И пёс подзаборный, отдав ей частицу души, // Как волк подвывает»... У них нет родных, друзей, крыши над головой, еды. Бомжи, «эту водку зальделую пьющие, // Собак и ворон принимают за братьев своих».

И на этом страшном фоне нищеты и отчаяния поистине народным мифом кажется стихотворение о русских деревнях, которые решили «распахнуть поля, // Как будто крылья Родины большой».

Скиф притом ещё и острый публицистический поэт. У него довольно много стихотворений, где впрямую названы виновники национальной трагедии, среди которых и бесчувственная жадная власть, и продажные журналисты, и беспринципные дельцы. Но всё же самый главный изъян современной России — апатия русского человека, его покорность злу и мороку. Именно потому миф о собирательнице-деревне становится едва ли не всеобщим упованием, ибо в нём сконцентрирован образ народного ума, воли и терпеливого труда.

С другой стороны, в стихотворении об инфернальной змее, под покровом тумана пожирающей родную землю, поглощённые тварью мужики вспарывают ей брюхо и, выставив острые вилы, «как из смердящей реки», выходят на Божий свет. В этой

аллегории есть что-то от наступательных советских карикатур времён Отечественной войны. Народное чувство, оскорблённое и растоптанное недругами, нуждается в ясном, изобразительно внятном языке. Соединяясь с мифом, этот сюжет преодолевает собственную изначальную одномерность и превращается в народное чаяние, в котором звучит отголосок библейских слов: «... да не преткнёшься о камень ногою твоею. На аспида и василиска наступишь...» (псалом 90/91, читаемый в опасности).

В поэзии Владимира Скифа отчётливо выражено природное мужское начало. Причём телесность у него неотделима от воли, решимости, силы. Многие стихи посвящены телесной любви, и в них неуловимо присутствуют скрытые родовые акценты, к нынешнему дню, к сожалению, в литературе встречающиеся крайне редко. Отдавая земле — земное, поэт прозревает любовь небесную, жертвенную, и тогда рождаются строки удивительной прозрачности и вдохновения:

Так много внутреннего света
В твоих глазах, в лице твоём,
Что кажется — сияет это
Живой огромный водоём.

Сияет снег, сияет небо...
Ты так близка по свету им,
Что я подумал: ну а мне бы —
Быть отражением твоим.

Белеет инеем ограда,
Зима справляет Рождество,
А ты, как тихая лампада,
Стоишь у сердца моего.

При всей широте поэтического высказывания, у Скифа всё более явственно проявляется слово глубокое, сердечно-умное, проницательное — в высшем, творческом толковании этого определения. Теплота и дружеская близость читателю в его стихах не спорят с частым авторским акцентом на особом ремесле поэта. И потому способность увидеть скрытые нити мироздания ужé не пугает простого человека. В грозном устроении Бытия он — не пылинка, гонимая вселенским ветром, но его часть, пусть слабая и своевольная, однако совершенно необходимая. Вот — своего рода личная художественная печать Владимира Скифа.

В его стихотворениях очень много глаголов, которые в пейзажной лирике обладают волшебными свойствами: они

оживляют деревья, холмы, небо, облака, солнце. И природа становится похожей на кого-то знакомого, обретает повадки человека — и каждую минуту проживает со своим настроением, совершенно неизъяснимым на человеческом языке: «в ночь прокралась синева»; «затеплилась листва»; «в сыром лесу жиреет... темнота»; «зреет стволов сосновых череда»; «тумана выросли усы». Читатель погружается в книжную страницу и прикасается к Божьему творению, которое из рук в руки передаёт ему поэт — соглядатай и гонец, несущий друзьям и близким добрую весть и крепнущую надежду:

Вот на востоке посветлело,
Тьмы отодвинулся оплот.
Заря, как яблоня, созрела
И алый выкатила плод.

Вячеслав ЛЮТЫЙ,
Воронеж

Писатели Владимир Скиф и Валентин Распутин с актёром Василием Лановым